

Твоя случайная жертва

Автор:

Ульяна Соболева

Твоя случайная жертва

Ульяна Павловна Соболева

Когда-то я влюбилась с первого взгляда, а он надругался надо мной, и ему это сошло с рук. Сейчас мне почти тридцать, и моего тела ни разу не касался мужчина... кроме той страшной ночи. Но мне это и не нужно. Ведь у меня есть дочка от неизвестного донора, и я была самой счастливой, пока в мой дом не пришла беда. Я решила попробовать найти отца ребенка... и попросить о помощи. Но вначале я пришла к самому чудовищу.

ВНИМАНИЕ! Откровенные сцены секса! БОНУС В ПОДАРОК!

В оформлении обложки использована иллюстрация автора Konrad Bak с сайта Depositphotos.

Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

Твоя случайная жертва

Глава 1

Три широкие, белоснежные, мраморные ступени, словно сделанные из льда, отражали потолок и стены, и меня саму, пока я поднималась в офис холдинговой компании «Сириус. Рэд. Альянс», выйдя из лифта. Я впервые оказалась в таком огромном и шикарном здании, впервые меня пригласили на собеседование в такую огромную и серьезную фирму. Сжимая в руках папку с эскизами для рекламы, я нервно кусала губы. На диванчиках в холле расположилось пять человек. Скорее всего, конкуренция здесь бешеная, и передо мной сюда пришли на собеседование куча народа. Включая вот этих. Выберут какого-то молодого, очкастого айтишника, вроде парня с косичкой на бороде и татушкой на шее, а не меня – блондинку со «смазливой физиономией» и с отсутствием «глубины», как мне сказали на прошлом собеседовании. Но самым главным аргументом был цвет моих волос.

«А почему вы удивлены, что вас не взяли. Вы девушка, да еще и блондинка».

В просторном, таком же белоснежном холле со светло-серыми диванами меня встретила милостивая девушка с очень длинными ногами, в брендовой шикарной одежде и лицом с обложки журнала. Она походила на работа – идеальная, красивая и неживая.

– Добрый день. Добро пожаловать в «Сириус. Рэд. Альянс». Вам назначена встреча?

– Да. У меня собеседование с Виктором Георгиевичем. Я от Людмилы Павловны.

– Эммм... мне это ни о чем не говорит, – ее обложечное лицо растянулось в улыбке, и припухшие губы обнажили совершенно белые зубы. Подведенные черным глаза в данном процессе не участвовали и оставались холодными и равнодушными, как у робота, – но вы садитесь и обождите. Виктор Георгиевич скоро освободится и пригласит вас в порядке очереди.

Я села на широкий, мягкий диван, посмотрела на телевизор, висящий под потолком, и взяла журнал с полочки стеллажа. Сидела я там очень долго, начала болеть спина и ягодицы. Я прошлась несколько раз по холлу, поглядывая на «робота», но та была занята какими-то звонками и металлическим голосом сообщала кому-то время встречи.

Неожиданно в холл ворвался мужчина низенького роста с блестящей лысиной и круглым брюшком. Его клиновидная борода подрагивала, когда он бросился к стойке, за которой восседала девушка-робот, и нервно рявкнул так, что та подпрыгнула на месте.

– Лера! Иван Данилович поднимается. Убери всех из холла. Быстро! Он не в духе! Все собеседования переноси. Возьми номера телефонов, эскизы, и пусть едут домой. Сейчас не до этого. В темпе, Лера, в темпееее!

– Да-да, Виктор Георгиевич, я все сделаю.

В эту секунду я поняла, что собеседования мне ждать придется еще сотню лет. Робот с миловидной улыбкой сказала, что меня наберут, и встреча состоится в другой день. Что я могу оставить свои эскизы, она передаст их Виктору Георгиевичу. Где-то слева открылись двери лифта, лицо Лерочки тут же оживилось и даже глаза заблестели. Она вся вдруг затрепетала, обратилась в слух и зрение, у нее дрогнул острый подбородок и нижняя губа. Я тоже обернулась и... мне стало не по себе. В холл вошел высокий худощавый мужчина, в черном элегантном костюме, со светлыми волосами, зачесанными назад. Его хищный профиль четко выделился на фоне белых стен. Уверенной походкой он прошел через холл, а за ним целая свита пронеслась шлейфом. И вместе они скрылись за двустворчатыми серыми дверьми кабинета. А мне показалось, что мое сердце колотится где-то в горле... и я еще не поняла почему, не осознала окончательно. Только руки похолодели и ноги. Как будто я его уже где-то видела...

– О. Мой. Бог! Что же это такое делается!

Я перевела взгляд на Лерочку, а та, прикрыв рот руками, смотрела на экран телевизора, в этот момент она окончательно выглядела живым человеком:

– Дом горит... взорвался из-за утечки газа... какой ужас!

Я перестала дышать и чувствовать себя живой. Это был мой дом. И в нем осталась моя шестилетняя дочь.

– Ксения Романовна, – я резко приоткрыла глаза и тут же подскочила на кушетке, увидев Дмитрия Сергеевича – врача Вари. Сон пропал мгновенно, испарился. Осталось только ощущение насыпанного в глаза песка и дикое волнение внутри.

– Операция прошла успешно – ваша дочь будет жить.

От облегчения чуть не закричала, но встретившись взглядом с доктором, поняла, что радоваться рано.

– Идемте ко мне в кабинет, поговорим.

На ватных ногах пошла следом за хирургом, оперировавшим Варю. Из ниоткуда появилась медсестра.

– Ксения Романовна, может, обезболивающего?

Я отрицательно качнула головой.

– Нет, я потерплю. Все нормально.

– Давайте хотя бы сменим повязку, – медсестра бросила взгляд на мою обожжённую руку.

– Я потом сама сменю. Спасибо за беспокойство.

Мне еще предстояло оплатить саму операцию, пребывание в больнице и расходы по лекарствам. Конечно, цены никто не озвучивал, и все условно бесплатно, но я знала, что надо искать деньги даже несмотря на то, что Дмитрий Сергеевич хороший знакомый брата лучшего друга моего покойного отца.

И я не знала, чем заплачу... все сгорело. Абсолютно все. Мои сбережения, вещи, электротовары. На счету пару тысяч и золотые сережки, и колечко с маленькими бриллиантами – подарок отца матери на свадьбу. Они стали моими, когда мне исполнилось шестнадцать. Наверное, мне придется их продать. О том, что буду делать дальше, я еще не думала. Никто не думал, что так выйдет и что из-за утечки газа взорвется здание жилого дома, пострадает столько людей.

Нам пытались говорить о помощи государства и местных властей, но мне было не до этого. Я думала только о дочери. Молилась, чтоб она выжила, а все остальное не имело никакого значения.

Мы вошли в кабинет врача, и я присела на стул, и Дмитрий Сергеевич сел напротив меня, устало снял шапочку и положил на стол. Опустил маску с лица.

– Ожоги очень серьезные, но жизненно важные органы не пострадали. Малышка сейчас введена в искусственную кому и набирается сил. Ей предстоит еще не одна операция по пересадке кожи и не один месяц на восстановление. Вам потребуются силы и...и финансы.

Я вскинула голову и стиснула пальцы в кулаки.

– Знаю, что все очень сложно, что сейчас у вас нет возможности платить. Я вас торопить не стану, Василий просил, чтоб я сделал все возможное, и я обязательно сделаю. А вы пока, – он не знал, что именно добавить, что я пока... а я пока еще не осознала до конца, что у меня нет дома и нет абсолютно ничего, кроме сумочки, с которой я ушла устраиваться на работу, документов и проездного, – вы пока поезжайте до... поезжайте отдохните и наберитесь сил. Примите успокоительное, посоветуйтесь с адвокатом, возможно, вам положена компенсация... хотя эти сволочи не выплатят ее в ближайшее время.

Меньше всего меня сейчас волновал именно этот вопрос.

– Когда Варя откроет глаза? Когда я смогу ее увидеть?

– Думаю, завтра вас ненадолго впустят в реанимацию. Я проведу вас. Сегодня ей нужен полный покой.

Он замялся, не зная, что еще сказать. А я почувствовала себя бедной родственницей, которая навязала своего ребенка незнакомому человеку, да еще и не может оплатить его услуги. Когда я ехала в скорой вместе с дочерью в неотложку, врачи говорили, что она не выживет, что с такими ожогами ее не спасут и что мне надо молиться. Я набрала Андрея Васильевича... последний раз мы говорили с ним, когда умер папа. Еще несколько раз он звонил мне на домашний, но я никому не отвечала. Когда сказала, что случилось, он тут же попросил обождать его звонка.

За Варенькой приехала частная скорая и увезла ее в ожоговый центр, где работал хороший знакомый семьи Шороховых. На сотовом было около десяти пропущенных звонков от Андрея Васильевича.

- Какая у вас группа крови?

- Вторая положительная.

- Плохо... Нам нужно делать малышке переливание, и нужна четвертая отрицательная. Что насчет отца ребенка? Скорей всего, такая кровь у него.

- Но... у Вари нет отца.

- Я понимаю... У многих на сегодняшний день нет отца, но биологические отцы есть всегда, и к ним можно обратиться за помощью. Ей понадобится донор и, возможно, не только крови. Если покупать, то... сами понимаете, какие нужны будут деньги. Лучше попытаться найти отца девочки и ...

- У Вари нет отца. Я зачала ее методом искусственного оплодотворения от неизвестного донора.

Густые брови доктора слегка приподнялись. Он в недоумении посмотрел на меня. Да, я знаю, что молодая, симпатичная и могла найти себе парня... я все знаю. Это вы ни черта обо мне не знаете! Не знаете, что от одной мысли о мужских руках на моем теле меня начинает лихорадить и бросать в холодный пот.

– Ясно... что ж, тогда это лишние расходы и поиски нужного донора. Мы подумаем об этом чуть позже. Будем решать проблемы по мере их возникновения.

– Позвольте мне остаться с ней... я посплю на скамейке, я готова на что угодно – мыть бесплатно полы, выносить судно, пожалуйста...

– Только давайте без истерики, Ксения, – врач строго на меня посмотрел, – от кого, но от вас я ее не ожидал. Возьмите себя в руки. С ребёнком все будет хорошо. Да, надо время, да, нужны операции, средства, но никто не опускает руки, и вы не опускайте. Мне жаль, что вы попали в такую ситуацию. Но здесь свои правила, и позволить вам остаться я не могу, даже ради Андрея Васильевича.

– Но она такая маленькая... ей всего шесть. Она придет в себя, испугается...

– До «придёт в себя» еще есть время. Поезжайте отдохните.

Сказал, как отрезал, и подал мне стакан с водой. Я судорожно сделала несколько глотков, и мне показалось, что в горло набилась зола и пепел. Вспомнила, как пыталась ворваться в горящее здание, как чуть не сошла с ума от отчаяния, как молила Бога, чтоб он сжег меня, а не Варю, и заорала от облегчения, когда ее вынесли из здания, и врачи сказали, что она жива.

Когда я вышла из кабинета, мне хотелось закричать, заорать от бессилия, от ощущения полной безнадежности и понимания, что я, как загнанное в угол животное, не знаю, что мне теперь делать и куда бежать.

Зазвонил мой сотовый, и я нажала на кнопку, даже не глядя кто это.

– Ксюхааа, черт! Наконец-то! Боже! Где ты! Я увидела в новостях! Где Варя?

– Женькаааа, Женяяя. Ты приехала?

- Нет. Не приехала. Ты плачешь? О Господи... скажи, что у вас все хорошо. Скажи, я прошу тебя.

- Не хорошо. Варя пострадала в пожаре. Светлана Аркадьевна сгорела, трое соседей с этажа мертвы. Варя чудом осталась жива... но она в тяжелом состоянии. Только что сделали первую операцию... Женя, там все сгорело. Все. Ничего не осталось. Даже ниточки.

- О Боже! Что я могу для вас сделать? Я переведу денег. Сама приеду скоро. Постараюсь все закончить побыстрее. Ты поезжай ко мне, у соседки возьми ключи от квартиры - она там мои фиалки поливает, я позвоню, предупрежу, чтоб она дала тебе. Не стесняйся, пользуйся там всем, вещи, деньги в тумбочке в письменном столе. Там немного, но на пару дней хватит.

Она быстро тараторила мне в ухо, а я, как отходила от онемения, я начинала понимать масштабы произошедшего, и меня начинало трясти, как в лихорадке. У нас с Варей ничего нет. Мы остались ни с чем... Но самое страшное - я могла потерять саму Варю. Смысл моей жизни, единственное, что у меня осталось на этом свете.

- Донор нужен для Вари. С четвертой отрицательной... Ума не приложу, за что браться и где искать. Голова не работает.

- Ксень... а может, отца ее поискать? Я бы могла свою Соньку попросить. Она ж знает все, и картотека у нее под рукой.

- Не надо... Не хочу знать, кто это.

- Не в данной ситуации! Не важно кто он, его всегда можно заставить или уломать помочь твоей дочери. Она сейчас самое важное.

- А если он алкаш какой-то или наркоман?

- Ну наркоманы донорами не становятся.

- Прошло почти семь лет. Все могло измениться.

- Ты ищешь причины не искать. Почему?

- Потому что ВАРЯ – МОЯ! Потому что так задумано изначально, что я ей и отец, и мать. Не хочу, чтоб какой-то... чтоб знал о ней.

- Ладно... ладно, ты успокойся, поезжай ко мне, отдохни. Я постараюсь побыстрее приехать, и мы подумаем, что делать дальше. Насчет работы ты съездила?

- Да... но не доехала. Светлана Аркадьевна..., – я вспомнила, что пожилая соседка, сидевшая с Варей, сгорела, и мне стало не по себе, слова застряли в горле, – а ведь ее больше нет. Она сидела с Варей... и Вари могло больше не быть! Женяяя, Вари могло не быть, понимаешь?

- Тшшш...тшшш, моя хорошая, понимаю. Возьми такси и поезжай. Тебе надо поспать, хотя бы час. Давай. Мы поговорим обо все утром.

Глава 2

Он снова напился... Обещал, что не будет, обещал, что мы все начнем сначала, и обманул меня. Я ждала его до одиннадцати вечера, пока не поняла, что отец не придет. Точнее, не хотела понимать, отказывалась, хотела верить, что он сможет начать другую жизнь после смерти мамы. Что вот сейчас все изменится... или, нет, вот сегодня, когда он так искренне плакал и клялся перед портретом мамы, что это последний глоток водки. Врал ей, себе и мне.

И ничего не менялось. Точнее, менялось, но ненадолго, до очередного запоя. А ведь он был совсем другим, когда не пил. У него была искренняя широкая улыбка, не было мешков под глазами и одутловатости на лице. Я бы дала ему меньше лет, даже невзирая на седину в волосах. Иногда мне снилось, что мама еще живая, и они вдвоем такие молодые и красивые держатся за руки. Смеются, оборачиваясь ко мне, счастливые. Потом я вспоминала их именно такими. Потом, когда не стало и папы...

Смерть мамы его сломала, просто убила... Ей ведь не было еще и сорока, столько планов, идей, фантазий. Мы мечтали, что поедem в Европу после ее дня рождения... Они деньги собрали. Но не поехали. Все эти сбережения на похороны пошли и на памятник. Маму сбила машина. Вот так просто, она стояла на остановке, а какая-то пьяная двадцатилетняя тварь на полной скорости вылетела с дороги на своем джипе и уничтожила десять человек. Мама оказалась среди них. У нее не было никаких шансов выжить, она скончалась на месте. Папа запил после суда, после того, как мрази, которая напилась или нанюхалась наркотиков, дали всего четыре года из-за якобы смягчающих обстоятельств и принятия антидепрессантов. А на самом деле отсидит пару лет и выйдет условно-досрочно. Ее отчим, крутой олигарх, купил ей такую роскошь – не сидеть пятнадцать лет за убийство десяти человек, а отделаться легким испугом. И все молчали... точнее, многие молчали, деньги затыкают рты даже скорбящим, а большие деньги затыкают рты всем. Отцу только не смогли заткнуть. Он не взял. Ни копейки. Но что его голос против всех остальных. Он траекторию машины высчитал до мельчайших подробностей, скорость, тормозной путь, восстановил аварию по секундам, видел вину молодой гадины, а доказать не мог. Его это убило. У меня не стало не только матери, но и отца. Фактически он существовал, но его не стало.

Мне исполнилось восемнадцать. Я все еще верила в чудеса, занималась музыкой, рисовала эскизы одежды. Мечтала стать модельером. В университет поступить не смогла. Хотела на художника-архитектора. Всего лишь один экзамен. Рисунок. Я, когда увидела, что там кувшин с яблоком – обрадовалась. Ведь умела рисовать портреты, картины, пусть и самоучка, и в художественную не ходила. Когда пришла списки смотреть, кто поступил – меня там не оказалось. Не поступила я. Проревела весь день, стыдно было домой идти к отцу с матерью. Такой простой экзамен провалить... Они все были уверены, что я поступлю. Мама испекла пирог, ждала меня с хорошими новостями. А потом оказалось, что за поступление надо было сто долларов отдать. У нас таких денег не было. Тем более долларов.

С учебой не сложилось. Пришлось искать, где подработать, а я умела только петь, играть на фортепиано и рисовать. Милка, моя бывшая одноклассница, которая всегда была пронырливой, как ее папа, имеющий свой бизнес, накануне моего дня рождения сказала, что найдем мне работу, с моей смазливой физиономией, голосом и светлыми волосами я себе найду кучу работы.

Она имела в виду одно, а я – совсем другое. Но на провокационную съемку она меня таки притащила. У Милки всегда были какие-то гламурные знакомые из богемы. На этот раз знакомому фотографу была нужна модель. Сама она, естественно, фотографироваться не стала. Я позировала в трусиках и в лифчике, получила небольшую сумму денег, а через неделю мои фотки украсили обложку местной газетенки. Отец надавал мне пощечин и напился вдрызг.

– Шлюхой решила стать? Продавать себя решила? В следующий раз в порно снимешься? Мать бы... мать перевернется в гробу... Да ну тебя... ты.. ты...

Он ничего больше не сказал, пошел на кухню, достал бутылку, стакан, соленый огурец и напился так, что упал под стол и пролежал там до самого утра, а я плакала у себя в комнате и рвала на клочки проклятую газету.

ЕГО я встретила у нее дома. Милка жила в центре города в новостройке. У них была шикарная трехкомнатная квартира с двумя балконами, с окнами прямо в городской парк. Весной там цвели деревья, и от красоты и запахов захватывало дух. Не сравнить с нашей облезлой хрущевкой, где я вечно боролась с тараканами, заклеивала дырки в линолеуме и таскала пьяного отца на себе из коридора в комнату, подтирая после него вонючие лужицы на полу.

– Сдай его в богадельню, или в вытрезвитель пусть скорая отвезет.

Милка, сморщив нос, стояла у меня однажды в коридоре и всем своим видом показывала, насколько ей мерзко находиться в моей квартире. Наверное, в тот момент я ее возненавидела за это брезгливое выражение лица. Другьям можно многое простить, пока они принимают нас такими, какие мы есть, пока нам при них нечего стыдиться, но едва стоит появиться стыду – дружбе приходит конец. Она не терпит лицемерия. И если откровенность заставляет краснеть и стыдиться себя, то дружба давно завонялась, как гнилое мясо, а может, ее никогда и не было.

– Он мой отец! Ясно? Никакой богадельни и вытрезвителя! Ты б своих отдала?

– Конечно. За границей везде так делают или берут им няньку. Фу! Как ты это терпишь?!

– ОН! МОЙ! ОТЕЦ!

С тех пор Милочка ко мне домой не ходила. Обычно звала меня к себе.

Ее отец был каким-то начальником. Я особо никогда не вникала, кто и чем занимается. Мне это было неинтересно. Он обычно вежливо с нами здоровался и закрывался в своем кабинете. Мать Милки вечно была занята масками и массажами, йогой, диетами и к нам почти не выходила. А в тот день Милка притащила меня к ним на обед. Я не отказывалась, так как была вечно голодной. Дома у нас в холодильнике валялся только лук и черный хлеб. Иногда стояла бутылка самой дешевой водки и мешочек солёных огурцов. От голода меня шатало, и пару раз я почти теряла сознание.

Мы ели на кухне, а ее отец и его гость обедали в просторной зале.

ЕГО я увидела на балконе. Он курил и, чуть сощурившись, смотрел куда-то вдаль с балкона Милки. А меня потрясла его внешность. Нет, в нем не было ничего особенного, ничего такого, что можно назвать красотой в привычном смысле этого слова... Он не был похож на актера или певца. Но тем не менее привлекал взгляд, и оторваться было невозможно. Светловолосый, очень высокий, худощавый, с прямым островатым носом, широкими скулами, великоватым ртом с тонкими губами. На его смуглом лице сильно выделялись яркие бирюзовые глаза... Они словно жили своей жизнью. Он посмотрел на меня, и все... Этого было достаточно, чтоб к моим щекам прилила краска, чтобы они стали пунцового цвета, и мне захотелось одновременно и сбежать, и никогда не двигаться с места, чтобы он смотрел на меня вечно. Я никогда не была обделена вниманием мальчиков... но еще никогда сама ни на кого не засматривалась. Это случилось впервые в тот день. Меня ударило током и трясло потом весь вечер от простреливающих разрядов бешеного притяжения. Да, многие не верят в любовь с первого взгляда... и я не верила. Пока не увидела его.

Когда вышел с балкона и прошел мимо меня, я замерла, как вкопанная, с тарелкой в руках.

– Как странно, а почему вы не ужинаете с нами? – гость вдруг обернулся и взглянул мне в глаза, – Алексей Владимирович, отчего ваша дочь и ее подружка не сидят с нами за одним столом?

Подмигнул мне, и я ощутила, как дух захватило.

– Ну дык зачем им с нами сидеть, у нас свои разговоры, а у них свои.

Показалось круглое, трехподбородочное лицо Алексея Владимировича. Он зыркнул то на меня, то на Милку.

– Ну как скажете. Хотя женское общество всегда украшает любую беседу и любой стол.

Они удалились в залу, Милку позвала мать, а я долго смотрела вслед светловолосому идеалу, а потом взгляд упал на рояль. Как странно – Милка никогда не занималась музыкой, и у нее есть рояль, а я играю только в музыкальной школе и иногда у Милки, но у меня никогда не было фортепиано.

Подняла крышку и тронула пальцем подставку для нот. Пальцы сами нашли клавиши, и тихо заиграла музыка, вступление к «Евгению Онегину». Только в голове стоял образ не Евгения, а незнакомца с пронзительными бирюзовыми глазами.

– Потрясающе играешь, малышка, – голос зазвучал у самого уха, и я вздрогнула, но не обернулась, увидела отражение в крышке рояля и задержала дыхание.

– Играй, я посмотрю, как твои пальчики двигаются по клавишам. Мила, ты не рассказывала, что у тебя есть такая талантливая подруга.

От волнения я сбивалась, но продолжала играть. От него пахло умопомрачительным парфюмом, сигаретами, выпивкой и... и чем-то недостижимым. Роскошью, другой жизнью, деньгами и властью. От него пахло мужчиной и... любовью. Я считала, что если у нее есть запах, то он именно такой.

– Ооо, она очень талантливая.

– И красивая.

Снова задержала дыхание и посмотрела на него в отражение. Какой же он... какой же он необыкновенный. Таких не бывает на самом деле. Таких только в рекламе показывают или в журналах, которые лежат в комнате матери Милки.

- Да. Она даже снялась на обложку газеты.

- Серьезно?

- Милааа! Нет! Не смей!

Но подружка уже несла номер газеты с моей полуголой фигурой на обложке. Она сунула журнал в руки гостю отца, и тот тихо присвистнул.

- Само совершенство. Вы рождены стать королевой красоты.

Накрыл мою руку своей, и от этого прикосновения я полетела в пропасть так быстро, что в ушах засвистело.

- Кто? Ксенька? Та куда ей. Матери нет, а отец алкаш. Модели образованными быть должны, а она даже в универ не поступила.

Я ее даже не слышала... я только на него смотрела, открыв рот. Каждое слово от него, как феерическая инъекция самого сумасшедшего наркотика, меня вело от комплиментов, внимания, мужской близости. Весь вечер гость провел с нами, а я впервые не хотела сбежать от Милки домой. Я не учла только одного – он так же нравился и ей. Когда я пошла в туалет, Милка ждала меня снаружи и с шипением втощила обратно.

- Не заигрывай! Он мой, ясно?

- Я... я и не думала.

- Думала. Еще как думала. Я вижу, как глаза горят. Так вот запомни – таким, как он, такие, как ты, не нужны. Лучше домой иди, Ксения. Пора тебе уже за папочкой лужи подтереть!

Я оттолкнула ее, впечатав в стену. Бросилась к двери, но в коридоре меня поймал гость.

- Куда?

– Домой!

Пробормотала я и стянула лёгкое пальто с вешалки.

– Я отвезу, – глаза блестят в темноте, как у хищника, а мне нравится этот блеск, я ощущаю эту волну сумасшествия, ворох бабочек в животе, дрожь во всем теле. Наверное, вот так влюбляются с первого взгляда.

В машину Гостя я садилась под взглядом Милки, полным ненависти, презрения и зависти. А ведь завидовать должна была я...Тому, что она осталась, а я... я не должна была вообще выжить после этой прогулки с чудищем... Потому что люди на такое зверство не способны. То, что он со мной сделал... человек сделать не мог.

Глава 3

Земля забилась мне в рот, в уши, за пазуху и мешала дышать. Хрустящая, безвкусная и вызывающая позывы тошноты. Не знаю, как я оттуда выбралась и теперь пытаюсь откашляться, выплюнуть комья грязи. Мне не было страшно, мне не было больно. Я ничего не ощущала. Только понимала, что надо куда-то ползти, чтобы выбраться, а потом бежать. Ведь чудовище может быть где-то рядом.

Я все вспомню потом, позже, уже в больнице. Потом мне будет страшно, больно и холодно. А сейчас я встала на подкашивающиеся ноги и босиком, шатаюсь, шла к дороге. Я помнила, что она была где-то недалеко и слышала звуки проезжающих машин. В голове шумело. Я много выпила. Вкус алкоголя и чего-то соленого оставался на языке и во рту вместе с хрустом песка или земли. Я отчего-то плохо видела. Все расплывалось, и казалось, что я смотрю на мир сквозь узкие щелочки.

Упала уже у самой дороги и... перед глазами вспыхнул яркий свет. Это была проезжающая мимо машина, которая не остановилась. Я так и не знаю, кто подобрал меня на той автостраде, где нечеловек выбросил меня после того, как

поразвлекался. Пришла в себя уже в больнице. Встать не смогла, было очень больно. Я покрутила головой и увидела медсестру.

- Ооо, спящая красавица пришла в себя. Борис Маркович, принцесса с дороги очнулась. Давайте я ей обезболивающее уколою.

- Подожди.

Передо мной появился врач, склонился ко мне и посмотрел в глаза, оттягивая нижние веки.

- Да, пришла в себя. Тебя родители не учили, что смешивать наркоту и алкоголь - это чревато?

Я хотела ему ответить, что не пью и не принимаю наркотики, но не смогла.

- И кончать с собой таким способом тоже чревато. Можно выжить, например. Ты б в Енки порезала или повесилась. Че уж там.

Я не понимала, о чем он говорит. Смотрела ему в лицо, слышала, но ничего не понимала. Кто хотел покончить с собой? Я? Да я трусиха ужасная, я бы никогда не причинила себе вред... Тогда.

Он отошел от моей постели, и я услышала женский голос.

- Думаешь, она сама это сделала?

- Меньше думать надо. Нож там и нашли, девка пьяная, наркотой накачанная, трахалась, видать, потом ее хахаль бросил, а она решила с собой покончить.

- А синяки? А разорванная одежда? Ты ж дежурил ночью и все видел. Он же ее...

- МОЛЧАТЬ! Никто и ничего не видел. Я принял пациентку с ножевым ранением в живот, без следов насилия на теле, с алкоголем и наркотиками в крови. Это все, о чем тебе надо думать, Света!

– Какой же ты...

– Человек. Я че-ло-ве-к! Жить хочу, есть хочу, телек смотреть, разговаривать. И ты хочешь. Так вот запомни все, что я тебе сказал, и повторишь потом, когда надо будет.

– Тебе угр...

– Просто скажи правду. Ту, что я тебе озвучил.

Когда он ушел, Света подошла к постели и, склонившись ко мне, тихо сказала.

– Бедная малышка... не дадут они нам правду сказать, и ублюдок не получит по заслугам. Мразь... выйдет сухим из воды. Давай хоть обезболю тебя.

Она вколола мне что-то, и я уснула. А когда проснулась, очень громко кричала. Мой собственный крик меня разбудил. Только я не помнила, что именно мне снилось.

– Меня изнасиловал мужчина, потом ударил ножом в живот.

Следователь оставался совершенно безучастным и что-то записывал в блокнот.

– Какой мужчина? Как его зовут?

– Я не помню, как его зовут. Он был в гостях у Авчинниковой Милы. Мы с ней учились вместе.

– Вы это уже говорили в прошлый раз. А мы, в свою очередь, опросили и Милу, и ее мать, и ее отца – никаких гостей, кроме вас, у них в тот день не было. Но они сказали, что вы пили шампанское, а потом поехали куда-то праздновать, где тоже намеревались выпить.

– Поехала я не праздновать, а домой! С их гостем! Он предложил меня подвезти. Мы поссорились из-за него с Милой, и я поехала. Он высокий такой, светловолосый. На вид очень серьезный, очень властный, такой... чистый, аккуратный... Красивый. Глаза у него бирюзовые.

В отчаянии смотрела на следователя, а он на меня взглядом полным жалости и какого-то презрения.

Я еще не понимала, что нет никакой справедливости, что никто не станет мне помогать, что Милка будет врать мне в глаза, и что ее отец запретит ей со мной общаться, а мать назовет шалавой, получившей по заслугам. Все они скажут, что я больная на голову идиотка, и никакого гостя у них в тот вечер не было.

– Лучше расскажите, зачем вы ударили себя ножом, Ксения.

– Я? Себя?

– Да. Вы. Себя. Мы были на том месте, о котором вы говорите, и нашли там нож. На нем только ваши отпечатки пальцев. Там нет никаких следов борьбы....

– Он сделал это в своей машине. Не там.

– Что сделал?

– Изнасиловал меня.

Краска прилила к щекам, когда на лице следователя появилось насмешливое выражение.

– В заключении из больницы не указано, что вы подверглись сексуальному насилию.

– А синяки? Я, по-вашему, сама себе их поставила? И руку сама себе сломала? Он убить меня хотел! В землю закопал! В яму! Вы это понимаете?

Следователь пожал плечами и вздернул одну бровь.

– Там не было никакой ямы, вы упали в небольшой ров, и вас, видать, припорошило землей, когда вы поскользнулись. Ваш отец алкоголик, может, он вас ударил?

– При чем здесь мой отец? Вы ведь полицейский, вы должны найти того ублюдка, который это сделал со мной. Почему вы делаете из меня идиотку?

От обиды мне хотелось кричать, слезы пекли в горле, но я не плакала. Не хотела при нем. При этом циничном ублюдке, который пытался убедить меня в том, что я психопатка.

– Ксения, когда погибла ваша мама, какие антидепрессанты вы принимали? И как давно вы начали употреблять наркотики? Кто вам их поставлял? У вас в крови обнаружены следы кокаина. Это ведь недешевое развлечение... У вас появился богатый любовник-барыга? Вы понимаете, что, если начнется расследование, вас могут посадить за распространение наркотиков.

Я резко встала с кресла, чувствуя, как натянулся шов и как потемнело в глазах от слабости.

– Да пошел ты! Продажная тварь! Они тебе заплатили! Тебе и врачам и.... я все понимаю. Как там сказал Борис Маркович – жить и кушать все хотят. Только знаешь..., – я оперлась на стол и склонилась вперед, – у тебя есть дети или будут, когда-нибудь вспомни обо мне... вспомни, как выгораживал здесь чудовище, и бойся, чтоб твои дети не встретились с таким однажды.

– Покажитесь психиатру. Я вам искренне рекомендую записаться на прием и возобновить принятие препаратов. В следующий раз, если надумаете мне угрожать, я вас посажу в следственный изолятор... а возможно, найду у вас пакетик белого порошка. Пошла вон отсюда!

Я хлопнула дверь кабинета, в котором он меня допрашивал, и закрыла лицо руками, меня трясло и подкидывало от понимания, что ничего и никому я не докажу. Я не знаю ни как зовут моего палача, не знаю сколько ему лет. Ничего о нем не знаю. Даже лицо его размазано возникает перед глазами.

Помню только, что я это лицо сильно расцарапала, до мяса, тогда он и ударил меня, а потом выкрутил мне руку... Одного только не знаю – зачем и за что? Я бы ему и так. Может, не сразу, не в этот день. Но ему не надо было... он совсем иного хотел. Моей боли, крови, страданий и смерти.

Вспомнилось, как медсестра Света ко мне пришла в палату, позвала с ней на лестнице покурить.

– Я мазки взяла и на всякий случай проверила тебя... на беременность. Чисто все. Ни болезней, ни беременности.

Я ничего ей не сказала тогда. К окну отошла.

– На УЗИ тебя отведу, чтоб посмотрели – нет ли каких повреждений внутри.

– А если есть, что напишете в заключении?

– Ничего не напишем. Так просто, чтоб ты знала, и помочь, если что...

Я к ней обернулась и зло спросила:

– Совесть мучит, да? Стыдно? Не надо мне ваших УЗИ, помощи, бесед этих. Идите купите себе шмотки или губы силиконом накачайте. Вам же заплатили, чтоб вы молчали!

Иду совершенно без денег по тротуару, дождь моросит, а я полусогнутая, потому что шов еще не дает разогнуться. И внутри совершенно ничего нет. Пусто там. Как будто все удалили на операционном столе.

– Ксень...

Навстречу из ниоткуда Милка появилась. Вид, как у побитой собаки, глаза припухшие, бледная.

– Ксень. Я поговорить пришла.

– Иди к черту. Ты уже поговорила.

– Я сегодня за границу уезжаю.

– Скатертью дорога.

– Родители тоже скоро уедут.

– И им того же.

– Ксень. Просто забудь и живи дальше. Не ищи его... он страшный человек. Он монстр, он чудовище. Он на все способен. Ты ничего не докажешь. Просто смирись и забудь, если сможешь. И меня прости... не могла я сказать. Никто не мог. Прости, Ксень... прости меня.

Я ее не простила. Никого из них. И отца не простила. Я в тот день стала другим человеком. Когда дверь ключом своим открыла, крикнула:

– Па... ты дома?

Прошла на кухню и застыла на пороге, холодея от ужаса и невыносимой боли во всем теле особенно там, где ребра. Я так и не смогла поднять голову... я только смотрела на его ноги. Как они раскачиваются то ли от сквозняка, то ли... не знаю почему.

На столе записка.

«Прости, это я во всем виноват».

И снова проснулась от собственного крика.

На стене тикают Женькины часы, в комнате мягко разливается свет от ночника. Я протянула руку и посмотрела время на своем сотовом. Как всегда, ровно три часа ночи. Легла обратно на подушку и закрыла глаза. А потом так же резко открыла. Я вдруг поняла, на кого был похож тот мужчина в белом офисе...

Меня впустили к Варе, как и обещали, уже на следующий день. И я поняла, что никогда в своей жизни не испытывала большей боли, чем в ту секунду, когда увидела ее всю в трубках, бинтах, повязках. Такую маленькую, хрупкую под голубой больничной простыней.

Я бросилась к ней, наклоняясь и целуя тонкие пальчики, выглядывающие из-под бинтов, посмотрела на белое личико, чувствуя, как сжимается все внутри. Врач шел следом за мной, вместе с двумя медсестрами.

– Больше всего пострадала нижняя часть тела. Правая рука и плечо. Как только будет возможно, будет проведена еще одна операция. Мама уже в ближайшее время внесет первую оплату по медикаментам. Верно, Ксения?

Он протянул мне бумагу.

– А эти деньги вы должны найти в ближайшую неделю.

О боже! Триста тысяч рублей. Где я возьму их за неделю?

– Да-да, конечно. В самое ближайшее время. – ответила я едва слышно.

– Что слышно с вашим донором? Есть продвижения?

– Пока нет.

– Очень плохо! Надо делать переливание уже сегодня. Ее состояние может ухудшиться. Поторопитесь либо с деньгами, либо с донором.

Надо было утром зайти в ломбард и продать серьги с кольцом. А я вскочила и понеслась в больницу. Совсем забыла.

– Пока все без изменений. И пусть вас это радует. Ее состояние стабильно тяжелое. Кровь возьмите и мочу на анализ, Ирина. Показатели мне записать и принести перед пересменкой. Глаз не спускать. Симонюшина, головой отвечаешь за пациентку! И чтоб без фокусов!

Доктор вышел из палаты, а я склонилась над дочкой, всматриваясь в прозрачное белое личико. Спит моя зайка. Даже представить страшно, какую боль она бы терпела, если бы не этот сон. Боль, которую я сама терпеть не могла, и меня трясло от невыплаканных слез, от ощущения, что это мое тело обгорело и моя кожа слезит струпьями до мяса.

– Ну вот еще одну притащил. Да уж. Я вчера всю ночь с девчонкой ее дежурила, глаз не сомкнула, а он «без фокусов». Никаких фокусов, всего лишь благодарность. И ту выпрашивать надо. – пробубнила одна из медсестер.

Я мельком глянула на ее худое лицо с длинным острым носом, не совсем понимая, что она имеет в виду.

– Ирааа! – шикнула на нее вторая.

– А что Ира? Мне никто за это доплачивать не станет. У меня в реанимации по шесть-восемь человек на палату. В пятой мальчишка при смерти, сопلي его мамаше подтираю, пока она молится без толку у его постели и работать мешает. Мне при ней катетеры менять, горшки выносить, простынею всех накрывать. Сидит там вторые сутки.

– Ира! Иди в четвертую. Я сама тут. Давай. Иди.

Вторая медсестра подтолкнула остроносую к двери, тыкая ей пачку сигарет в руку.

– На вот. Покури. Расслабься. Кофе попей. Скоро пересменка.

– Вот именно. Даже на сигареты никто не дает. Спекулируют тут больными своими... а у других людей тоже проблемы есть и кушать хочется.

– Иди уже!

Я обернулась к остроносой.

– Мне вам трусы свои отдать? Или грязный лифчик? Хотите, я вам свою сгоревшую квартиру отпишу? Или шкафы с золой? А долги? Хотите немножко долгов?

Та губы поджала и зло на меня посмотрела.

– Хамка. Мы тут для нее стараемся, а она хамит. Учить таких надо уму разуму! А не подтирать за их де...

Наверное, я так на нее посмотрела, что она осеклась, не договорила. Хлопнула дверью, а я к лобику Вари губами прижалась. Прости меня, маленькая, это я виновата, если б не уехала в тот день, может, все бы обошлось. Ничего, мама что-то придумает. Обязательно придумает.

– Вы на нее внимание не обращайтесь. Она... ну вот такой характер.

– Врачи вроде милосердные должны быть... или это не про наше государство?

Я поправила простыню, прикрывая ручки Вари, стараясь не смотреть на пропитанные сукровицей повязки. Но от одного взгляда на них в горле заклокотало рыдание. Сердце не просто сжалось, а словно разорвалось на кусочки. Я бы отдала ей свою кожу, свои кости, мясо, что угодно.

– На одном милосердии далеко не уедешь, к сожалению.

– Я понимаю.

– Но вы не думайте об этом... я слышала, что у вас случилось. Это ужасно... я вам очень сочувствую. Несколько суток будет мое дежурство, и я присмотрю за Варей. Просто так. Не волнуйтесь. У меня дочке столько же лет. Викой зовут. Такая же светленькая, как ваша.

Да, я их понимала и при других условиях непременно заплатила бы, дала б на шоколадку, как говорится, но сегодня у меня не было не то что шоколадки, у меня и двух копеек не было. За эти годы я много смогла добиться. Я отучилась

на дизайнера во многих направлениях, освоила видео и графические редакторы. Выполняла заказы, как частных лиц, так и компаний. Создавала сайты, рекламу, логотипы. Я и моя дочь ни в чем не нуждались. Я купила квартиру, я накопила денег на донора... И в итоге... в итоге осталась ни с чем. Но это не имеет никакого значения в сравнении с тем, что я могла потерять свою дочь. Когда-то... когда мама была жива, а отец не пил и работал, он говорил, что не в деньгах счастье и совершенно не в их количестве. Счастье только в людях, что тебя окружают, счастье в их жизни и в их благополучии, а остальное все наживное. Помню, у мамы украли кошелек со всей зарплатой, и она пришла домой в слезах... Вечером, они думали, что я сплю, а я стояла за стеклянной дверью кухни и видела, как отец усадил маму себе на колени, поглаживая по светлым волосам, и тихо сказал:

- София, скажи Богу спасибо за то, что взял деньгами. Представь... а ведь тебя могли убить, а не просто отобрать сумку.

- Да...да, ты прав.

Я снова нежно поцеловала Варины щечки. Какие они прохладные и... словно неживые. НЕТ! Я не буду так думать. Она будет жить!

О Боже, спасибо, что взял все остальное, а мне ее оставил. Я буду бороться за тебя, Варя, слышишь? Доченька, я буду бороться за твою жизнь.

Я вышла из реанимации и остановилась в холле, выдохнула, чувствуя, как глаза наполняются слезами, а сердце то замирает, то бьется с новой силой. Потом решительно достала сотовый. Набрала номер и затаила дыхание:

- Здравствуйте, вы попали в центральный офис компании «Сириус. Рэд. Альянс», чем могу помочь?

- Здравствуйте. Меня зовут Ксения Филатова. Я была у вас вчера на собеседовании, вы обещали перезвонить.

- Да, вам перезвонят, как только появится свободная вакансия.

- Как появится? У вас ведь была вакансия!

- Уже неактуально!

Только не это. Господи, пожалуйста, только не это.

- Мне надо поговорить с вашим начальником!

- С каким начальником? - она хохотнула.

- С...Иваном Даниловичем.

- К нему только по записи.

- Тогда запишите меня.

Несколько секунд тишины.

- Через неделю двенадцатого числа вас устроит?

- Почему так долго?

- Вас записать на встречу?

- Да! Запишите...

- Лерочка, Иван Данилович спрашивает, что там насчет мест в «Рояле Блэк»?

Ее кто-то отвлек, и последних моих слов она, кажется, не слышала, мило говорила с каким-то парнем, а я отключила звонок. Через неделю слишком поздно. Мне деньги нужны немедленно. И я их получу!

Я распахнула шкафы Женьки и шумно выдохнула - вот это гардероб. У меня отродясь такого не было. Точнее, не так, я бы в жизни такое не надела. Потому

что... потому что я никогда не пыталась соблазнить мужчину. Я носила волосы чуть ниже плеч и собирала их в хвост на затылке, не красилась, не покупала юбки и платья. Только штаны, бесформенные кофты, куртки, футболки. На ногах кроссовки или мокасины, зимние ботинки. Все неброское, не цветное. Больше всего меня пугал блеск в мужских глазах. Мне не нужно было, чтоб меня хотели, со мной флиртовали или заигрывали. Я долгое время носила брекететы, хотя они мне особо не были нужны, намеренно уродуя свою внешность.

Но сегодня я должна впервые одеться иначе... впервые привлекать, а не отталкивать. И я совершенно не умела этого делать. Спасало лишь то, что я дизайнер, я умела подбирать цвета, стили, одежду, мебель, да что угодно. Это был мой природный талант. И вещи в шкафу Женьки восхищали красотой и шиком, отвращая одновременно своей броскостью.

На экране ноутбука Иван Данилович Волин давал интервью на независимом канале насчет обвинений холдинговой компании в неправомερных действиях и махинациях. Владельцу Альянса грозил судебный иск. Уже неделю в новостях обсуждали этот громкий скандал после того, как «Сириус. Рэд. Альянс» поглотил несколько предприятий, по слухам принадлежавших мэру города. Я туда не смотрела, только слышала его голос. Такой низкий, уверенный, с нотками с нажимом, очень властный, заставляющий собеседника глотать слова и путаться в вопросах.

Я выбрала черное платье с кружевными вставками на животе и по бокам пышной юбки, которая переливалась и взмывала воланами над ногами при каждом шаге, обнажая колени. Распустила волосы, как тогда... в ту проклятую самую жуткую ночь в моей жизни.

– Потрясающе играешь, малышка.

Тронула губы алой помадой, мазнула слегка тушью по ресницам. Мама говорила мне, что я не должна ярко краситься, с моими чертами лица это лишь все испортит. И мои очень большие серые «блюдца» не нуждаются в косметике. Посмотрела через зеркало на ноутбук – камера взяла лицо Волина крупным планом и встретила взглядом с кристальными светло-бирюзовыми глазами. Слегка вздрогнула.

– Играй, я посмотрю, как твои пальчики двигаются по клавишам.

Взбила волосы руками, чувствуя, как бешено бьется мое сердце.

– Само совершенство. Вы рождены стать королевой красоты.

Надела туфли на высоком каблуке, чуть пошатнулась, но ноги помнили, как в них ходить. Такое не забывается. Я долго носила мамины туфли на шпильке... до...

Открыла ящик стола, взяла Женькины деньги и вызвала такси.

– В ночной клуб «Роял Блэк».

Пока ехала в машине, руки судорожно сжимали черную лаковую сумочку. Нет, я не нервничала, я смертельно боялась того, что затеяла. Но... это был мой шанс спасти мою дочь, и я не собиралась его упускать.

Машина остановилась у высокого блестящего здания с круглой плоской крышей в форме рояля. Я вышла из такси и в нерешительности выдохнула, а потом все же шагнула по ступенькам вверх.

– Вы по приглашению?

– Да! Я забыла пригласительный, но господин Волин может подтвердить, что я его гость.

Меня пропустили, не требуя подтверждения, и я, с дико бьющимся сердцем, прошла в полутёмную залу, посредине которой стоял огромный рояль, который и был сценой, на крышке «музыкального инструмента» танцевали полуголые стриптизерши в черно-белых лаковых костюмах, и играла музыка из знаменитого фильма Тарантино «От заката до рассвета». Я обвела залу взглядом и стиснула челюсти, когда увидела Волина, сидевшего на верхнем ярусе за прозрачным стеклянным столом. Он был один. Смотрел на сцену отсутствующим взглядом своих невероятных глаз, от которых по всему телу шли мурашки... Я решительно направилась наверх, собираясь нарушить его одиночество. И сама была близка к обмороку, мои ноги и руки заледенели, особенно кончики пальцев. Поднялась и прошла к его столику.

Иван не сразу меня заметил, а когда все же обратил внимание, отмахнулся и презрительно скривился. А мне захотелось закричать от страха и от ощущения, что я только что шагнула в бездну.

– Я не заказывал приват. Уходи.

– Я хочу, чтоб вы взяли меня на работу.

Повернулся ко мне, подперев подбородок длинными аристократическими пальцами с массивными кольцами на безымянном и мизинце. Я его не просто заинтересовала, а даже развеселила, на тонких и в то же время чувственных губах появилась ухмылка, а в глазах блеснула заинтересованность.

– Как вы нашли меня здесь, и кто вас впустил?

– Я хочу работать в вашей компании, и мне нужен аванс в размере трехсот тысяч рублей. Для начала.

Его брови поползли вверх, и он закинул ногу за ногу. Я тяжело дышала, и мне каждую секунду хотелось сбежать, сорваться прочь и нестись с закрытыми глазами подальше от него, подальше от этого места.

– Да вы что? Взять ВАС на работу и дать аванс? – засмеялся, запрокинув голову, отхлебнул воду из прозрачного бокала и поставил его обратно на стол. – И по какой причине я должен это сделать?

Сердце уже не просто билось в горле, оно колотилось со всей силы о ребра, и казалось, я слышу, как они трещат и как рвутся натянутые до предела нервные окончания.

– Одиннадцать лет назад вы меня изнасиловали, порезали и закопали в яму... Как вы думаете, данный факт принесет славу вашей компании? А может, заинтересует власти, готовые вас сожрать за махинации? Как вам такая причина? Подходит?

Чудовище перестало улыбаться, и теперь от его тяжелого взгляда мне захотелось громко и пронзительно закричать. Бездна разверзлась, и языки

пламени лизнули мои ноги.

Глава 4

Это был блеф... Я понимала, что ничем и никак не докажу сказанное мной только что. И риск равносителен самоубийству, но у меня не было никаких других вариантов. Смотрю ему в глаза, кусая губы и ожидая ответа, а он не торопится отвечать. Склонил голову набок и внимательно меня рассматривает, подперев подбородок. Так рассматривают диковинное животное или насекомое.

Сногшибательный подонок в идеальном костюме без единого пятнышка и белой рубашке, которая из-за флуоресцентного освещения отливала сверкающей голубизной, как и его глаза. Удивительные, прозрачные глаза, холодные, цинично спокойные и в то же время поблескивающие издевательским интересом. Я плохо помню его лицо, но хорошо помню глаза и эту высокомерную манеру общения. Все это тогда вскружило мне голову... А сейчас вызывало ужас и дрожь во всем теле. Я, как мотылек, кружащий у огня, прекрасно знала, что прилетела сюда умереть.

– Не напомнишь мне имя? – спросил так обыденно просто, словно я сказала ему не об изнасиловании, а о свидании, после которого он забыл очередную назойливую любовницу.

– Вы не спрашивали у меня имя.

– Странно, обычно спрашиваю и даже запоминаю. Имя – это своего рода трофей.

Я не понимала, что он имеет в виду, а точнее, я поняла, и мой разум отказывался это принять – ублюдок только что признался, что я не единственная его жертва. Он вдруг встал с дивана, и я внутренне подобралась, напряглась, лихорадочно выискивая на столе что-то, чем я могла бы обороняться. Но кроме графина с водой и бокала ничего там не увидела.

Он был высоким, выше меня где-то на полторы головы. Этого я тоже не помнила. И сейчас, тяжело дыша, смотрела, как грациозно он двигается, приближаясь ко мне. Гибкий, спортивный, подтянутый и очень худощавый. Хищник на охоте. Притом жертва сама пришла к нему в лапы.

Подошел ко мне очень близко, остановился напротив.

– Кто-то собирает отрезанные пальцы, кто-то уши, а я имена. У меня дома есть маленькие надгробия, я подписываю их и люблюсь каждый день своей коллекцией могил.

От страха меня начало тошнить, и вся кровь отхлынула от лица. А он вдруг расхохотался и обошел меня сзади.

– Шуткааа. Какой маньяк станет хранить дома надгробия? Тем более такой известный человек, как я. – провел пальцем по моей щеке, и я вся сжалась, превращаясь в напряженный комок нервов. – Я храню их в другом месте. Ха-ха-ха. И это тоже шутка.

Обвел овал моего лица и тронул кончик носа.

– Какой интересный и забавный шантаж. Я встречал многие его разновидности, но этот впервые. Какой идиоткой надо быть, чтоб прийти к зверю, который чуть тебя не сожрал, и предложить окончить трапезу, при этом угрожая навести на его след охотников. После ужина, разумеется... Вы сделали мой вечер.

Я хотела что-то сказать, но он приложил палец к моим губам.

– Тссс. Я разве разрешал разговаривать? Мое логово – мои правила. Ведь малышка не хочет, чтоб ее съели прямо сейчас?

Обошёл меня со всех сторон, не торопясь, словно танцуя. Он так красиво двигался, что это одновременно пугало и восхищало.

– Одиннадцать лет назад, – остановился сзади, – надо же, и только сейчас соизволила прийти? И какими доказательствами располагает малышка? Чем таким ты можешь напугать зверя, чтобы он решил не обглодать твои косточки

прямо здесь?

Я ждала этот вопрос. Не про кости, а про доказательства. У меня их не было. Ни одного, кроме Милки. И я знала, где можно ее найти. Правда, совершенно не была уверена, что она согласится мне помочь.

- Свидетель, - едва дыша ответила я.

- Как ты боишься. Это отчаянная смелость или поразительная глупость, да, решиться на такое безумие?

Тронул мои волосы, и я вздрогнула.

- Лунный цвет, - задумчиво произнес он, - это краска или свои?

Я не ответила, меня колотило мелкой дрожью от того, что он был так близко.

- Я спросил, это краска?

- Свои.

Ухмыльнулся, опустил взгляд к моей шее, к декольте, ниже к животу. Господи! Только не это. Пусть я ему не понравлюсь. Я не красивая, мне уже почти тридцать, у меня так и не выросла грудь. Пусть не смотрит на меня так! Пожалуйстаааа!

- Готов поспорить, что одиннадцать лет назад ты была лишь жалким подобием себя самой сейчас. Я, кажется, понимаю, почему так ужасно с тобой поступил. Так что насчет свидетеля?

Снова посмотрел на меня. Красивые глаза. Они украшали его лицо настолько, что, пожалуй, он мог сам казаться красивым. Если бы не этот прожжённый цинизм, если бы не это жутковатое выражение лица с чуть безумным взглядом. Он напоминал мне гестаповца из фильмов про войну. Холодная красота, ледяная жестокость и способность к изощренному зверству. Я мысленно представила его в форме, она бы смотрелась на нем идеально.

– Я могу его купить. Я всех могу купить, и ты останешься ни с чем. Если вообще останешься.

Стало страшно от этого спокойного голоса, спокойного тона. Он совершенно не нервничал, не боялся, тогда как мне было не просто страшно, а до дикости страшно. Иван вдруг взял меня за руку. Я попыталась ее высвободить, но он сплел свои пальцы с моими.

– Что такое? Я вроде трогал тебя не только за руки, а и за все остальные места. Сильно и больно трогал? Скорей всего – дааа, – усмехнулся и сдавил мои пальцы. – Сейчас больно не будет. Пока.

И отодвинулся назад, рассматривая меня с разных ракурсов, наклоняя голову то к одному плечу, то к другому. Делая это оскорбительно демонстративно.

– Кем ты хотела у меня работать? Секретаршей?

– Ди...дизайнером.

– Да уж. Для секретаря ты слишком заикаешься от страха. Наверное, все же не такая ты и дура. Понимаешь, что если я тебе откажу, то живой ты отсюда не выйдешь.

Он вдруг освободил мою руку и вернулся в свое кресло, заставляя меня выдохнуть от облегчения. Моя спина так взмокла, что кружево прилипло к ней. Казалось, что чем больше между нами расстояние, тем ровнее бьется мое сердце, хотя оно продолжало разрываться на части от паники. Но уже поздно идти на попятную.

Пришла официантка в короткой пышной балетной пачке и черной жилетке, прикрывающей только грудь. Она поставила перед Волиным оливки, мелко нарезанный лимон и бокал с темно-коричневым напитком.

Чудовище отправил оливу в рот и откинулся на спинку дивана.

– Я возьму тебя на работу и дам денег.

Но я не ощутила триумфа, я знала, что сейчас последует пресловутое «но», которое мне не понравится... а возможно, повергнет меня в шок.

– С одним условием, – положил оливу на кончик языка, повертел им и отправил в рот. – Я буду иметь право насиловать тебя, когда захочу, как захочу и где захочу.

Обернулся ко мне, отсалютовал бокалом и сделал глоток. Как обычно в его манере – медленно. Дернулся кадык, и на крепкой шее выделилась вена.

У меня потемнело перед глазами, и мне захотелось схватиться за воздух.

– В свою очередь я пообещаю, что не стану тебя закапывать... если ты сама меня об этом не попросишь. – он говорил со мной, как с больным ребенком, и это пугало еще больше, чем если бы он хамил или кричал на меня.

– Мне...мне надо..

БЕЖАТЬ ОТСЮДА!

– Подумать? Нет, малышка, думать надо было, когда ты решила шантажировать Ивана Волина. А сейчас у тебя есть только один вариант – соглашаться. Так как второго я тебе не давал. И... как тебя зовут?

Я двинулась назад, натыкаясь спиной на перегородку между вип-кабинками. Надо уходить, бежать отсюда. Это была ужасная затея, я сошла с ума, если подумала, что смогу чего-то добиться от этого жуткого человека.

– Куда это ты собралась?

Его спокойствие заставляло меня паниковать. Я почему-то вспоминала статьи о маньяках и психах. Они непременно кажутся вам нормальными и даже спокойными. Волин напоминал мне Ганнибала Лектера из Молчания ягнят. И я даже не ягненок, я некто проще и намного безобиднее. Меня так легко разделить на кусочки.

– Я...я хочу уйти. – и это самое правильное, что можно сделать. Уйти. Сбежать и потом подумать, как выбраться из всего этого... Но потом приходит осознание, что не выберусь – Варюша намертво держит меня в этом городе.

– Неужели? То есть пришла, заявила мне, что я насильник, убийца и должен тебе денег за молчание, и вдруг решила просто уйти?

Да, я хотела уйти, потому что от страха перестала соображать. Мне стало душно в этой стеклянной кабинке, в его присутствии, которое давило мне на мозги.

– Поздно, малышка. Ты наступила на мою паутину и уже не распутаешься, пока я тебя не съем. И я спросил твое имя. Обычно я дважды не спрашиваю. ОТВЕЧАЙ!

Нет, не закричал, а сказал с нажимом, но так, что мне это надавило на виски.

– Ксения.

– Ксенияяяя, Ксения, Ксюша, – это звучало издевательски, то, как он перекручивал мое имя по-разному. Нет, не ласково, а именно издевательски, мне не хотелось, чтоб он меня так называл, – думаю, как лучше написать на надгробии. Как бы тебе понравилось?

– Я хочу уйти. Моя подруга знает, куда я пошла. Если я не вернусь...

Жалкая попытка, но я должна была попробовать.

– Если ты не вернешься, то никто это не свяжет со мной. – он взял свой смартфон и набрал чей-то номер, – Герман, ты видел, ко мне поднялась девушка? Отлично. Позаботься о том, чтоб ты был единственный, кто ее запомнил. Камеры, официантка... водитель такси, или на чем она приехала? И еще... я хочу знать о ней все. У тебя десять минут.

У меня похолодело внутри, я не верила, что это происходит на самом деле, что я не вижу очередной кошмар, а это чудовище закрывает меня в своей ловушке.

– Вот и все. Я решил за тебя проблему выбора. Так что? Неужели несправедливая сделка? Триста тысяч, работа, а взамен всего лишь то, что я уже юзал однажды.

Кстати, ты была девственницей или до меня там уже побывали? Чтоб понимать степень морального и физического ущерба. Может, я могу заплатить тебе двести девяносто, – он засмеялся собственной шутке, а мне захотелось вцепиться ему в лицо ногтями.

– Вы меня порезали... степень ущерба намного выше.

– Порезал... как интересно. Обычно я не порчу своих жертв. Может, ты меня сильно разозлила? Сними платье, я хочу посмотреть шрамы. Мне ж надо знать, за что платить. Кто знает, если проникнусь и накину десятку.

– Идите к черту! – процедила сквозь зубы, понимая, что подонок просто издевается надо мной. Он снова встал с кресла... и я дернулась назад, к выходу и тут же натолкнулась на кого-то, обернулась и в ужасе распахнула широко глаза – позади меня стоял огромный, словно скала, мужчина, сложив руки замком внизу под животом. Я невольно шагнула обратно внутрь кабинки.

Волин подошел ко мне не спеша, поигрывая оливой во рту, то зажимая ее зубами, то играя с ней языком. Он улыбался, но не глазами. И изучал меня. Улыбка украшала его лицо. Сексуальная, порочная и... даже притягательная. Если бы я не знала, чем это может закончиться, я бы клюнула на нее снова. Расслаблен, небрежен. Иван уверен, что жертва никуда не денется. Съел маслину, и я замечаю, что наблюдаю за движением сильных, квадратных челюстей и дерганием кадыка при глотке. Даже это меня пугало. Он приблизился вплотную, обошел меня и остановился сзади.

Откинул мои волосы на плечо, и я зажмурилась, готовая заорать так пронзительно, что здесь все оглохнут.

– Кричать бесполезно, малышка. Это же вип. Сюда приходят к богатым дядям девочки, чтобы их трахали. Иногда трахали очень громко.

И словно в ответ на его слова музыка заиграла в самой кабинке так громко, что я перестала слышать что-либо кроме аккордов и собственного сердцебиения. Ощутила, как его пальцы прошлись по линии змейки на боку. От страха меня колотило и лихорадило, я закрыла глаза. Слезы обожгли веки.

– Не надо, пожалуйста. Мне просто очень нужны деньги. Я не хотела вам угрожать...

– Нееет, ты хотела. Именно за этим ты сюда и пришла. Угрожать мне и вымогать. Но за каждый поступок нужно отвечать. У всего есть свои последствия.

Шепчет сзади, и я боюсь этого шепота намного больше громкого крика. Тогда... одиннадцать лет назад он не вызывал таких эмоций. И не только потому что я знаю, на что это чудище способно, а потому что каждое его слово, движение было наполнено каким-то магнетизмом, парализующим жертву. Надо успокоиться, я должна вспомнить, как меня учили на психотерапевтических занятиях, вспомнить, как надо вести себя с потенциальным насильником и агрессором, как успокоить саму себя и не выглядеть жертвой. Но ни один урок я сейчас не помнила, все вылетело из головы кроме паники. Он дернул змейку у меня на боку, и я закричала, в ту же секунду Волин развернул меня лицом к себе.

– Что такое? Страшно? А идти ко мне страшно не было? Что ты там себе думала, когда ехала в «Рояль»? Или все эти одиннадцать лет? Ждала удобного момента? Или тебя кто-то ко мне послал? Именно сейчас?

– Ничего не думала... забыть пыталась весь кошмар, лицо ваше, запах, глаза, руки липкие, жуткие.

Его глаза сузились, и взгляд, казалось, режет меня лезвиями.

– Но забыть не получилось? Вместо моих рук, глаз, волос начали мелькать доллары, а запах мутировал в аромат банкнот, не так ли?

– Нееет...нет! Не так!

– А как?

Я чуть ли не рыдала от страха и от того, что его руки сжимали мои плечи так сильно, что там точно останутся отпечатки его пальцев... синяки на моей коже. Как раньше. Божеее! Я хочу отсюда выйти! У него зазвонил сотовый, и я увидела, как злобно сверкнули его глаза. Потому что помешали. Потому что

вошел в раж и получал удовольствие от моего страха. Он его заводил, я это видела.

- Да!

Собеседник что-то ему говорил, а Иван смотрел на меня. Взгляд менялся, сухой и страшный блеск потух, и появилось какое-то странное выражение, которое я не могла понять. Светлые брови нахмурились, и он поджал губы, словно сильно задумавшись, но не прекращая прожигать меня своими ужасного цвета глазами.

И я вдруг поняла, что этот человек может одним взглядом заставить другого человека встать на колени.

- Ясно. - отключил звонок, и пальцы разжались. Я всхлипнула и обхватила себя руками. Волин поправил пиджак, одернув вниз, потянул галстук, ослабив узел.

- Значит так. Сейчас тебя отвезет домой мой водитель. Завтра ты выйдешь на работу к десяти утра. Все остальные условия я озвучу тебе позже.

Кивнул Скале.

- Уведи ее и проследи, чтоб ее доставили домой. Доложишь мне.

Потом снова посмотрел на меня.

- Не вздумай прятаться и играть со мной в какие-то свои игры. Потому что я очень их люблю и всегда выигрываю. Не надо бежать, не заставляй хищника пуститься по твоему следу, потому что найду и... бууу, - я вздрогнула и судорожно сглотнула, а он рассмеялся своим страшным маньячным смехом. - Мы ведь уже играем ты разве не поняла?

Я захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Кажется, я только что побывала в аду, и мне удалось выйти оттуда целой и невредимой. На этот раз. Только что теперь? Сбежать не выйдет. И не потому что я его испугалась, хотя боялась смертельно, а потому что Варю я не смогу увезти в таком состоянии.

И чего я добилась? Обессиленно сползла по стенке и села на ковер, закрыла лицо руками, ладони холодные и пальцы мелко подрагивают. Денег я не получила, а оживший кошмар – да. Словно сама спрыгнула в кипящее жерло вулкана и лечу, глядя широко распахнутыми глазами на беснующуюся стихию, на то, как она бурлит, пузырится, и из нее выскакивают языки пламени, чтобы облизать мое тело до костей.

Мне надо отказаться от работы, придумать что-то. Вырваться из этой ловушки, в которую сама же себя и засунула. Если переехать? Попросить Женьку помочь... Но вместо этого я просто разрыдалась ей в трубку после того, как рассказала о своем визите к Волину.

– Ты ненормальная, да? Ты что наделала? Зачем? Ты хоть понимаешь, кто это? Понимаешь, к кому полезла? Почему мне ничего не сказала... Ты уверена, что узнала его, уверена, что это он?

– Да...нет...точнее, я уверена. Я помню черты лица, помню глаза. Понимаешь, цвет этот помню. Его не спутать. Ты видела его глаза?

Встала и пошатываясь пошла на кухню. В горле так пересохло, что было трудно разговаривать.

– Да! Я, черт возьми, видела его глаза. Глаза одного из самых желанных и крутых мужиков в городе, да и, пожалуй, в стране тоже. Видела и потом труссы выжимала. Черт! Я поверить не могу, что он тебя...

– Думаешь, я лгу? – голос сорвался, и я дрожащей рукой схватила стакан, налила себе воды.

– Нет. Я не думаю, что ты лжешь. Я просто не могу поверить, что мужчина, которому готова отдаться любая, именно любая женщина, станет насиловать восемнадцатилетнюю девочку. Бабы от него без ума. Он их как перчатки меняет. Ты бы хоть почитала о нем. Волин... Я в шоке! Иван Волин! В Форбсе он входит в десятку самых богатых людей. И не только... этот подонок влиятелен, как сам сатана! Я не удивлюсь, если последний ему денег должен.

– И тем не менее он это сделал! Понимаешь? Он сделал это со мной одиннадцать лет назад! И деньги помогли ему выкрутиться и выставить меня душой! Лгуньей и сумасшедшей! – хрипло сказала я и сделала глоток воды. – И... сегодня он даже не отрицал. Понимаешь? Он ничего не отрицал... Он...он предложил мне заплатить за то, чтоб делать это со мной снова. О, Господи! Сказал, что если сбегу, найдет и...

– Кошмар. Как? Как ты могла к нему поехать и ничего мне не сказать? Ты понимаешь, сколько власти у этого человека? Понимаешь, что он вне закона? И тут не только деньги. Это связи, это такие знакомые, которых боятся даже спецслужбы. Он же тебя размажет и не заметит.

– Я... я думала попросить у тебя денег и снять другую квартиру.

Женька нервно расхохоталась.

– Ты дура. Боже, Ксенька, ты такая дура. Это ж надо было так вляпаться. Наехать на Волина! Шантажировать его! Так, – она закурила, я услышала, как щелкнула зажигалкой, – давай без паники. Во-первых, попробуй с ним спокойно поговорить. Скажи, что могла ошибиться, что говорила все в состоянии аффекта и берешь свои слова обратно. Просто тебе сказали об операции дочери и... В общем, дави на жалость. Мужики, они такие. Они готовы принять женские выходки...

– Женя! Стоп! Ты себя слышишь? Ты вообще понимаешь, что я тебе говорю? Он не просто мужик – он маньяк! Он убить меня хотел одиннадцать лет назад. Он меня ножом резал и в яму закопал!

На том конце провода стало тихо. Наверное, только сейчас она поняла меня. Или осознала, что именно я ей говорю.

– Ксень... я не знаю, что с этим делать. Дай мне подумать. Ты пока ничего не предпринимай. Я поговорю с Сонькой, она пробьет для тебя, кто был донором тогда. Думаю, она нам откроет имя. Она мне кое-что должна. Давай пока о Варе подумаем. Ааа... а деньги он дал?

– Кто?

– Волин.

– Нет. Сказал утром на работу выйти. А мне днем к Варе надо... Деньги надо привезти. Что мне делать, Жень? Где взять?

– У меня тысяч сто есть в банке. Черт, говорила я тебе, что деньги надо на счету хранить, а не дома в шкатулке.

– Тогда надо было налог платить. Ты ж знаешь почему... Если б я сама могла предположить... Мы ж собирали на поездку в Дисней Лэнд и на машину.

– Знаю. Знал бы где упадешь, соломки постелил бы. Тебе не звонили насчет помощи какой-то? Ты никуда не обращалась? Может, фонды какие-то?

– Женяяя, времени нет по фондам ходить. Нет его у Вари. И ждать чего-то тоже нет времени. И... никто не звонил.

– Твари! Какие же твари! Даже в новостях больше ничего о жертвах не показывают. Виноватых ищут якобы.

– Да мне все равно, кто там виноват. Мне о дочери думать надо и... я боюсь. Я теперь так боюсь. Он...он сказал, что поиграет со мной, что уже играет... Он ненормальный, Жень. Ты бы видела его. Он... такой жуткий.

– Да уж... Но это не помешало тебе прийти в лапы к зверю. Навертела ты. Давай так, может, тебе лучше съехать от меня. Перебраться куда-то, где искать не станет. Подожди, я перезвоню тебе.

Она отключилась. А я налила себе еще воды и подошла к ноутбуку, стоящему на журнальном столике. Подняла крышку и придвинула стул. Пальцы сами открыли поисковик и вбили имя «Иван Волин».

Стало тесно в комнате, едва только увидела его на экране. Лицо крупным планом. Его глаза, которые так тянули к себе и в тоже время так пугали. Очень светлые, яркие и ближе к зрачку намного темнее, от чего эти самые зрачки казались расширенными и большими, напоминающими глаза хищника в момент возбуждения и охоты. Его нельзя назвать красивым, но на лице эта печать

порока. Чего-то до сумасшествия страшного и греховного, чего-то жуткого и в тоже время завораживающего. Внушающего ужас и трепет. Я могла поверить, что женщины сходят от него с ума... рядом с ним так легко почувствовать себя убогой, незаметной и ничего из себя не представляющей молью. Молью, которую можно насиловать, убить и закопать.

Один его взгляд заставлял застыть и внутренне подобраться. Он словно обещал все муки ада и в тоже время какое-то дикое и страшное удовольствие, после которого непременно наступит мучительная смерть. Самоуверенный, ироничный, пронизывающий насквозь. Глаза чуть прищурены, и в уголках спряталась та самая пошлая усмешка, как и в уголках его губ. Их можно было бы назвать некрасивыми, но это было невозможно, так как они манили изгибом, пугали чем-то жутковато притягательным. Я попыталась вспомнить его лицо наяву, но видела лишь глаза. И... я помнила фамилию. Отец Милки ее назвал несколько раз. Так что никакой ошибки быть не могло. Это он. Только моложе на одиннадцать лет. Может, сейчас он научился замечать следы... Вспомнились его слова о надгробиях, и стало не по себе. Передернуло все тело.

«Ну что ты ломаешься, маленькая. Давай, я сказал! Раздвинь ноги, сука! Не корчь из себя целку!»

Голос словно сквозь вату. Безликий. Страшный. Как в микрофон.

Я закрыла страницу с его лицом. Бегло прочла несколько светских сплетен о его романах с известными актрисами, телеведущими, моделями. И везде эти горящие женские взгляды, полуоткрытые рты, румянец. Не надо быть психологом, чтобы заметить, насколько они увлечены им. Женя права. Женщины без ума от этого психопата. Видно, что они с Волиным не ради денег. Расставания, новые романы, покончившая с собой любовница. Грязные расставания с истерическими постами брошенных пассий в соцсетях. И новые снимки Волина уже с другой. На яхте, в клубе, на природе.

Все это могло быть лишь прикрытием. Много лет назад он совершил преступление сам, а сейчас такому, как он, не составит труда покупать себе девочек и издеваться над ними.

Зазвонил сотовый, и я взяла трубку.

– Ксень, я нашла для тебя квартиру. Там не так уютно, как у меня, но вряд ли он тебя там найдет. Это квартира одной моей знакомой. Она уехала в Эмираты к очередному арабскому шейху в кавычках, а квартиру так и не смогла сдать. Много хочет для этого района. В общем, я с ней договорилась. Я сброшу адрес, и дуй туда прямо сейчас.

– Спасибооо, Женя, как же я благодарна тебе. Чтоб я делала без тебя?

– Не знаю. Может, не научилась бы у меня искать на свою задницу неприятности. Так, все. Меньше слов. Вызывай такси и бегом туда. А я подумаю, как избавить тебя от Волина, и поищем отца Вари. Кто знает, а вдруг он миллионер.

Она хихикнула, разряжая обстановку.

– Все. Давай. Мы разберемся. Я уже через день приехать должна.

– Можно я ноут твой возьму?

– Бери. Это мой запасной. Папки по работе только не трогай.

Через час я уже располагалась в уютной однокомнатной квартире на окраине города и надеялась, что мы, и правда, что-то придумаем. Я буквально провалилась в сон. Отключилась, как будто из меня выпотрошили все батарейки. Мне даже сны не снились.

Проснулась от настойчивого звонка в дверь. Он был монотонным и очень пронзительным и заливался соловьиной мерзкой трелью. Я не сразу поняла, где нахожусь, потом встала и, завернувшись в плед, поплелась открывать. Когда посмотрела в глазок, меня прошибло ледяным потом, и я закрыла рот руками, чтобы не заорать. Там стоял тот самый лысый Скала с зонтом в руках. Он снова позвонил, а потом громко начал стучать в дверь. Так громко, что сотрясалась вся квартира.

– Я вызову полицию! – как-то неуверенно сказала и почувствовала, как начинаю задыхаться.

– Я сейчас вынесу дверь! – спокойно ответил ублюдок.

– Убирайтесь!

Где-то в комнате зудел мой мобильный. Я пошла на звук, переступая босыми ватными ногами по холодному полу. Нашла сотовый в сумочке и, увидев незнакомый номер, закусил губу. Потом все же нажала на кнопку вызова.

– Первый уровень я прошел, а ты проиграла, и я придумаю, как ты будешь расплачиваться за проигрыш.

Голос прозвучал где-то совсем рядом, словно он находился со мной в одной комнате. Я отключила звонок и начала набирать номер полиции, но у меня не выходило. Автоответчик сообщил, что моя сим-карта заблокирована на любой исходящий звонок, даже на экстренные. Я не знаю, как такое могло быть. Снова и снова набирала полицию, как заведенная, пока не увидела на экране входящий звонок. Ответила и сдавила сотовый в обеих руках.

– Она заблокирована. Ты никуда не позвонишь и никуда не выйдешь. У тебя есть всего два хода. Первый – это сделать так, как мы договаривались, и выйти на работу, которую ты так хотела получить, а второй – сидеть там, пока не надумаешь выполнить первый. Разве тебе не надо поехать к дочери, Ксенияя? Или к ней могу наведаться я.

Сдавила сотовый еще сильнее, чувствуя, как становится тяжело дышать и пульсирует кровь в висках, как сдавливает затылок болью.

– Я выйду.

– Умница. Это правильное решение. И не говори, что я не дал тебе право выбора.

Глава 5

Я швырнула сотовый на тумбу и закрыла глаза, медленно выдыхая, чтобы успокоиться. В дверь продолжали стучать.

- Перестаньте шуметь. Я одеваюсь!

Процедила и сама ударила кулаком с другой стороны. Надо не думать о страхе, не заикливаться на нем. Иначе я сойду с ума, так и не доехав туда. Ведь никто не сможет причинить мне зло прямо там... в высотке, где находится столько людей. Он не посмеет! В дверь снова постучали.

- Хватит! Я сказала, хватит! Иначе полицию вызовут соседи!

- Вам передали одежду, - спокойно ответили за дверью, и в эту секунду я поняла, что на мне вчерашнее вечернее платье и ничего больше у меня нет.

И не только потому что я бежала сломя голову от чудовища, а потому что все мои вещи сгорели. У меня даже трусов с лифчиком нет, носков и, черт возьми, прокладок. На глаза навернулись слезы бессильной ярости.

- Убирайтесь! Просто убирайтесь отсюда!

- Вам велено переодеться, иначе вас не впустят в здание, и Иван Данилович расстроится.

Почему-то слово «расстроится» прозвучало намного устрашающе, чем если бы он сказал «разозлится» или «придет в ярость». Стало еще холоднее, и даже зубы застучали - они не просто знали, где я, а следили за мной до самого дома. Я даже представила себе, что вся квартира утыкана уже камерами и жучками. И пусть не пускают. Пусть он катится к черту! Пусть сгорит вместе со своим зданием, пусть взорвется и разлетится на ошметки. Как взорвался мой дом. Я ничего не хочу. Я просто хочу спасти свою девочку, хочу унять ее боль, хочу, чтобы она вернулась ко мне здоровой. Это все, чего я хочу.

- Вам не стоит опаздывать. Иван Данилович очень не любит, когда опаздывают.

- И что он сделает? Убьет меня?

Мне зловеще не ответили. Щелкнула замком и приоткрыла дверь через цепочку. Скала подал мне пакет, я протащила его через щель и тут же шваркнула дверь перед его носом. Вытряхнула содержимое на пол. Ожидала, что увижу там

какое-то пошрое одеяние... даже не знаю, что именно ожидала, да что угодно, но не аккуратный деловой костюм светло-голубого цвета из немнущейся ткани, следом за которым на пол выпали картонная упаковка и еще один бумажный пакет.

В дверь опять постучали.

- ЧТО?

- Обувь. Вам придется открыть - это в дырку не пролезет.

Одевалась я перед зеркалом, и меня по-прежнему трясло от понимания, что чудовище знает и мой размер одежды, размер обуви и даже любимый цвет. За сутки. Всего лишь. В картонной упаковке я увидела чулки. И отдельно в бумажном пакете набор нижнего белья. Черное кружево. Скорее строго и элегантно, чем пошло и вычурно. И размер в точку.

Я смотрела на себя в этом костюме и злилась. Красивый. Дорогой. И как влитой сидит на мне... даже идет мне. Меньше всего я хотела нравиться подонку. Меньше всего хотела возбудить его пошлую фантазию. Чтобы у него и мысли не возникло, что я хочу его соблазнить. А я ощущала, что нравлюсь ему... как и тогда, много лет назад. Ощущала каждой клеткой своего тела. Женщины это знают безошибочно.

Только Волину наверняка нравятся все особи женского пола, невзирая на цвет волос, глаз, фигуру. Мы все для него добыча или жертвы. Он открывает сезон охоты и начинает идти по следу, расставляя ловушки. Я была уверена, что он всегда побеждает. И от этой уверенности становилось еще страшнее.

Затянула волосы в хвост на затылке, пригладила челку за уши и пошла к двери... Потом вспомнила про туфли и чулки. Тихо выругалась. Я никогда не носила чулки. Они были олицетворением чего-то грязного, пошлого и сексуального. Меньше всего в своей жизни я хотела думать о сексе или вызывать эти мысли в ком-то. Особенно в этом недочеловеке.

Обула туфли на босую ногу... Наверняка, я натру мозоли, и черт с ними. Эти чулки не надену. Я вышла из квартиры и прошла мимо Скалы, он двинулся следом, передвигаясь, как платяной шкаф на маленьких ножках, не вписываясь в повороты. Скорее всего, я могла бы от него сбежать... Но последние слова чудовища о моей дочери отбивали охоту даже попробовать. И он знал об этом. Я была уверена, что подонок все просчитал.

Ехать в офис страшно не было. Там много людей. Он не сможет. А потом вихрь мыслей, что я не знаю, что он сможет, а что нет. Я ни черта о нем не знаю, кроме того, что этот человек способен на насилие и убийство. И шрам на моем животе прекрасное напоминание... на всю жизнь.

В здание я вошла в сопровождении Скалы, и проклятые замшевые туфли уже успели натереть мне пятки. Но я старалась об этом не думать. Поднялась в лифте наверх, снова прошла по белоснежным ступеням, запоминая сколько их там и какой они высоты, потому что боль в ногах начинала затмевать все остальные эмоции, и не думать не получилось.

– Вы к кому? Вам назначено? – громко провизжала Лера или Вера. У меня плохая память на имена.

– Назначено, – грубо ответила я и подумала о том, что она бы не хотела знать, как именно ее босс назначает свидания.

– Подождите! Я должна спросить!

Она выскочила мне навстречу. Цокая высоченными каблуками и преграждая дорогу. Из-за двери показалось лицо Виктора Георгиевича.

– Никого не впускать!

Лерочка сжала силиконовые губы и уставилась на меня.

– Ожидайте.

– А можно, я вообще уйду?

– В смысле?

Она не поняла, ее разум, не отягощенный интеллектом, не смог переварить мое заявление.

– Спросите у вашего босса – можно ли мне уйти. Я к нему в гости не напрашивалась.

Теперь ее глаза округлились еще больше. Она явно не могла понять, что именно я от нее хочу, в ее жесткий диск информацию о том, что кто-то может не хотеть встречи с их прекрасным чудовищем, не внесли. И кажется, у нее начался сбой системы.

– Я... я спрошу. Как ваше имя?

– Ксения Филатова. Спросите сейчас, пожалуйста, я тороплюсь.

Лерочка вернулась за стойку и набрала на коммутаторе какой-то номер.

– Иван Данилович, здесь какая-то Ксения Филатова просит отменить ее встречу. Что мне делать? В журнале ее нет. Как... отме... что? Да! Да, конечно! Я сейчас проведу.

Секретарша с нескрываемым презрительным интересом осмотрела меня с ног до головы, и я в ответ смерила ее таким же пристальным взглядом. За дверью оказался не кабинет, а еще один коридор. Такой же белоснежный, как и сама лестница, в навесных потолках отражался пол, а в мраморном полу – потолок. Словно два молочных зеркала. На стенах висят не картины, а рамы с выложенными узорами из морских ракушек на бирюзовом фоне. Она открыла пластиковой картой стеклянные двери и впустила меня внутрь просторного помещения.

Белая кожаная мебель, квадратные вставки черного цвета в полу, в виде шахматной доски. Черный письменный стол и белые стулья. На огромных окнах от пола до потолка черные вертикальные жалюзи, открывающие вид на город с высоты птичьего полета. Прошлась по кабинету, рассматривая абстрактные картины такие же черно-белые, как и весь интерьер, постояла у окна, чувствуя,

как мурашки ужаса бегут по коже – я всегда очень сильно боялась высоты. А окна во всю величину стен создавали иллюзию, что я стою на краю пропасти.

Станный кабинет. Вполне в стиле этого психопата.

Интересно, люди, которые его окружают понимают, что работают у маньяка?

Внезапно раздался стук, и я, подпрыгнув на месте, резко обернулась и тут же с облегчением выдохнула – огромные старинные настенные часы монотонно отсчитывали десять часов утра. Станный контраст с ультрасовременным интерьером, но они только украшали и не портили общей картины. Мне, как дизайнеру, это понравилось. Впрочем, как и мелкие фигурки, в виде шахмат, расставленные на полках. У чудовища прекрасный вкус.

Я подошла к столу, на котором стоял открытый ноутбук, и шумно втянула в себя воздух. Один из ящичков был открыт, и внутри лежал пистолет. Вот так просто. Бери и стреляй. Как замороженная, я протянула руку и коснулась холодного металла.

Если я возьму его... и убью подонка здесь и сейчас, моей дочери никто и ничто не будет угрожать. Это были совершенно неконтролируемые мысли и обжигающее желание причинить ему боль. Я ведь мечтала об этом... убить того, кто со мной это сделал. Выстрелить ему в лицо и смотреть, как его мозги расползутся по стенке. Я взяла пистолет и приподняла руку, целясь в кого-то невидимого перед собой и представляя лицо Волина...

– Для начала его нужно снять с предохранителя...

Голос прозвучал сзади у самого уха, и я чуть не закричала, когда мужская рука обхватила меня за талию и сильно сжала.

Я отчаянно пыталась вспомнить технику самозащиты, слова, да что угодно, лишь бы вырваться из этих жутких объятий, но вместо этого моя рука дрогнула, и я хотела опустить ее вниз, но Волин подхватил меня под локоть, продолжая удерживать пистолет направленным в стену.

– Ну зачем так рано заканчивать такую интересную игру? – кончиками пальцев прошелся от локтя к запястью, вкрадчиво, даже нежно. – Если взяла оружие, давай найдем ему применение. Ты разбираешься в оружии?

– Нет.

– Это револьвер. Раритетный. Но он в великолепном состоянии и превосходно стреляет.

Я ощутила едкий выброс адреналина в кровь. Страх сковал все тело, мешая думать и двигаться.

– Я не пришла играть.

– Неужели?

Шепчет над моим ухом сзади, все так же сжимает меня под ребрами и заставляет застыть, как закутанная в паутине, как будто меня опутало прозрачно-белесыми нитями его жуткого обаяния, которое пугало намного сильнее, чем если бы он бил меня или кричал.

– А мне кажется, мы начали играть уже очень давно. Намного раньше, чем ты рискнула заявиться ко мне с обвинениями. Это ментальная связь. Ты ведь столько лет думала обо мне, вспоминала. Мммм... тебе говорили, что твоя кожа пахнет ванильным молоком? Так пахнут маленькие девочки, а не взрослые лицемерные сучки, – я поняла, что ощущение щекотки вызывает кончик его носа и скула, которой он едва касается моего затылка, я дернулась, но он сдавил меня сильнее горячими руками. Не больно, но весьма ощутимо. – А ты думала, револьверы нарочно валяются где попало, чтоб их взяли и пристрелили их хозяина? – его голос был вкрадчивым и на удивление мягким, он продолжал плести паутину, и я даже не могла в ней барахтаться, только слушать и отсчитывать удары собственного сердца. – Смогла бы убить меня, Ксения? Отвечай! Смогла бы?

– Да, – выдавила едва слышно, и он вдруг резко развернул меня к себе лицом. Он был одет совсем иначе, чем в оба прошлых раза, когда я его видела. Сейчас на нем была тонкая бирюзовая спортивная рубашка с расстегнутым воротом и джинсовые штаны. На сильной шее змеился тонкий кожаный шнурок с

подвеской в виде паука. Мерзкое насекомое из белой стали касается лапами его загорелой груди и словно ползет вверх. Рукава рубашки закатаны до локтей, и мне видно, какие сильные у него руки, видно, как выступают вены паутиной жгутов под золотистой кожей, а пальцы вблизи уже не кажутся ровными и музыкальными. Они неровные, со сбитыми когда-то костяшками, нервные, длинные. Он сто процентов занимается спортом или занимался раньше очень серьезно. Наконец-то я решилась посмотреть в лицо Ивана и занервничала еще сильнее. Его внешность обескураживала. Заставляла зацепиться взглядом, приковывала внимание. Светлые волосы Волина, зачесанные назад, блестели и казались очень мягкими на ощупь. Гладко выбритые широкие скулы и тяжелый подбородок, острый ровный нос, сжатые губы и... глаза. Сумасшедший цвет, выбивающий из равновесия, заставляющий забытья. Бирюза океана, обманчиво спокойного и плескающегося под солнцем. Стихия, которая в миг поглотит свою жертву и закрутит в смертельном водовороте. Изучает меня, ловит каждую эмоцию, считывает их с каким-то маниакальным наслаждением. Бирюзовая рубашка, контрастировала с загорелым телом и этими невероятными глазами... психопата, который мог в любую секунду слететь с катушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/tvoya-sluchaynaya-zhertva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)